

УДК 94 (575.2):271.2

**РОЛЬ “ПЕРВОГО ЕПИСКОПА КИРГИЗИИ” МЕЛХИСЕДЕКА
(АВЕРЧЕНКО) В ЖИЗНИ ТУРКЕСТАНСКОЙ ЕПАРХИИ 1920-х гг.**

Е.Е. Озмитель

Опубликованы новые архивные данные, которые дают представление о деятельности Мелхиседека (Аверченко), епископа Пишпекского и Семиреченского, на территории Киргизии, показан его вклад в сохранение канонической (староцерковной) иерархии Русской православной церкви в Средней Азии в советское время.

Ключевые слова: История Русской православной церкви в XX в.; Туркестанская (Среднеазиатская) епархия; религии Киргизии; репрессии против верующих в СССР; Бишкекская и Кыргызстанская епархия; православное духовенство.

**THE ROLE OF MELCHIZEDEK (AVERCHENKO) – “THE FIRST BISHOP IN KYRGYZSTAN”
IN THE LIFE OF THE TURKESTAN DIOCESE OF THE 1920s**

E.E. Ozmitel

There are new archival data that allow to overview the activity of Melchizedek (Averchenko), the bishop of Pishpek and Semirechye eparchy, his efforts to maintain canonical (according to Patriarch Tikhon) hierarchy of the Russian Orthodox Church in the Middle Asia in 1920s.

Key words: history of the Russian Orthodox Church in the twentieth century; Turkestan (Central Asia) diocese; religion of Kyrgyzstan; repression against believers in the Soviet Union; the Bishkek and Kyrgyzstan diocese; the Orthodox clergy.

С образованием в 2011 г. самостоятельной Бишкекской и Кыргызстанской епархии Русской православной церкви, с появлением на Бишкекской кафедре собственного архиерея, все события, связанные с именем епископа Мелхиседека (Аверченко), стали для нас особенно важны. Просуществовавшее всего несколько лет Пишпекское викариатство, которое он возглавлял с 1926 по 1929 г., перестало быть случайным эпизодом в жизни Ташкентской епархии. Историческая перспектива сделала владыку Мелхиседека первым епископом Киргизии (ее северных, Семиреченских областей). Теперь Пишпекскую и Семиреченскую епархию упоминают как “историческое название Бишкекской и Кыргызстанской епархии” [1], а епископа Феодосия (Гажу), три года занимавшего Бишкекскую кафедру в XXI в., называют преемником епископа Мелхиседека.

Цель этой статьи – дополнить новыми фактами уже известные обстоятельства жизни и служения епископа Мелхиседека (Аверченко) [2; 3], показав вклад “первого епископа Киргизии” в сохранение канонической Православной церкви (“тихоновской

ориентации”, как тогда говорили) в Средней Азии в первое десятилетие советской власти.

Вторая половина 1920-х гг. – бурное расширение деятельности православных модернистов-социалистов (“обновленцев”), движение которых переживало расцвет благодаря сотрудничеству с советской властью и, особенно, с НКВД и ГПУ. В Средней Азии обновленчество было особенно сильным – к концу 1920-х гг. здесь было 90 обновленческих приходов и не более десятка канонических. К концу 1930-х гг. у “староцерковников”, т. е., священников “тихоновской ориентации”, не было ни одного зарегистрированного прихода [4]. При помощи обновленческого духовенства и репрессий власти стремились полностью уничтожить каноническую, подчиненную патриарху Тихону и его преемникам, иерархию Русской православной церкви. Именно поэтому главным содержанием церковной жизни Туркестанской епархии в это время была борьба с обновленческим расколом. Борьба эта заключалась в противостоянии словом и делом представителям модернистской “Живой церкви”.

3 июня 1923 г., вступая в управление Туркестанской епархией, епископ Лука (Войно-Ясенецкий) сказал: *“Мне, иерею, голыми руками защищавшему стадо Христово, от целой стаи волков и ослабленному в неравной борьбе, в момент наибольшей опасности и изнеможения Господь дал жезл железный, жезл архиерейский и великой благодатью святительской мощно укрепил на дальнейшую борьбу за целостность и сохранение Туркестанской епархии”* [5, с. 116–117]. Перед этим епископ Лука, будучи еще священником, вместе с иереем Михаилом (Андреевым) разоблачал антицерковную деятельность обновленцев в овдовевшей Туркестанской епархии, которую под давлением властей покинул правящий архиерей Иннокентий (Пустынский). Став епископом, Лука продолжил эту борьбу и, как видно из его речи, считал это дело самым важным в своем архиерейском служении. Арестованный 16 июня 1923 г., сразу после своей хиротонии, епископ Лука написал послание, в котором призывал мирян оставаться верными патриарху Тихону, противостоять церковным движениям, выступающим за сотрудничество с большевиками. *“...Завещаю вам: непоколебимо стоять на том пути, на который я наставил вас... Идти в храмы, где служат достойные иереи, вопреку не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет вепрь, считать себя отлученным Богом от храмов и ввергнутым в голод слышания слова Божьего. ...Против власти, поставленной нам Богом по грехам нашим, никак нимало не восставать и во всё ей смиренно повиноваться”* [6, с. 33].

Среди мер противодействия обновленческому расколу были не только проповеди, беседы, устные и письменные объяснения. Став архиереем, владыка Лука получал право рукополагать архиереев, восстанавливая православную иерархию, стремительно сокращавшуюся в годы большевистских репрессий и церковных расколов, но воспользоваться этой возможностью он не успел, так как был арестован и выслан из Ташкента.

Важным для сохранения православной иерархии в Туркестане делом с мая 1923 г. занимался ссыльный Томский епископ Андрей (Ухтомский). Епископ Андрей участвовал в тайном возведении в сан епископа Луки, а после его ареста продолжал совершать хиротонии. 13 июня 1925 г. он рукоположил остававшегося верным патриарху Тихону архимандрита Свято-Троицкого Исык-Кульского монастыря Мелхиседека (Аверченко) во епископа православных общин Туркестанской епархии.

В литературе встречались факты, указывающие на уклонение епископа Мелхиседека в раскол. Однако, после того как В.Б. Заславский подро-

бно рассмотрел этот вопрос, сомнений в верности Мелхиседека “патриаршьей церкви” не остается [3, с. 119–122]. Еще до своей хиротонии, служа на приходе в поселке Черняевском, иеромонах Мелхисидек сохранял, несмотря на доносы обновленцев и угрозы властей, верность патриарху Тихону. Обновленческий епископ Николай (Коблов), считавший себя законной властью в Туркестанской епархии, убежденный, что иеромонах Мелхисидек вредит их организации, запретил его в служении. Николай доносил на иеромонаха Мелхиседека в письме в ГПУ и НКВД за № 16119 от 22 июля 1923 г., называя его контрреволюционером и политическим преступником. В другом письме в адрес НКВД за № 45 от 21 января 1924 г. тот же епископ Николай писал: *“...иеромонах, имея антиминс, продолжает служить в Ташкенте и в Черняевском поселке, причем, около него группируются верующие. Все сообщество пропагандирует тихоновщину, волнуя народ и поддерживая в нем недовольство законной как церковной, так и советской властью. Особенный вред нанес иеромонах Мелхисидек церковно-обновленческому движению своим торжественным крестным ходом на воду в пос. Черняевском...!”* [3, с. 120].

В таком же контексте имя иеромонаха Мелхиседека фигурирует в переписке ГПУ и НКВД 1924 г.: *“... в регистрации и утверждении уставов – отказано. Предполагая, что на почве отказа будет усиленно вестись скрытая антисоветская агитация, НКВД просит установить разведкой: 1) Деятельность Мелхиседека Аверченко вблизи Черняево, на заимке, а также в Ташкенте, где около него группируются к/р элементы, и куда он приезжает для совершения служб в районе вокзального и Ольгинского приходов. 2) Деятельность Стороженко, бывшего дьяка. Подготовить материалы для их высылки из пределов Туркестанской Республики для устранения их как главарей староцерковников, продолжающих демонстрации своими службами, вопреки существующим правилам регистрации, и пользующихся известным авторитетом. Сообщите в последующем для дальнейшего административного надзора за названными группами”* [3, с. 120].

Очевидно, что Мелхисидек был авторитетным священником, из тех самых “достойных иереев, вопреку не подчинившихся”, о которых писал епископ Лука в своем “завещании”. Вернувшись после первой ссылки в Ташкент, епископ Лука одобрил хиротонию Мелхиседека, характеризуя его следующим образом: *“Хотя еп. Мелхисидек не имеет даже среднего образования (на самом деле, Мелхисидек закончил Гомельское духовное училище – Е.О.), но знающие его весьма высоко отзываются о его*

благочестии, верности, смирении и примерной жизни, о высоком похвальном отношении к пастырским обязанностям. Я рад был бы иметь его своим викарием” [3, с. 122]. Чуть позже владыка Мелхиседек получил назначение на Уразовскую кафедру, и с мая по октябрь 1926 г. служил в Валуйском уезде Воронежской губернии. Осенью 1926 г. он вернулся в Среднюю Азию и вступил в должность епископа Пишпекского и Семиреченского, викария Туркестанской епархии [2].

Об этом периоде жизни Мелхиседека (Аверченко) сведения настолько скудные, что в литературе высказывалось мнение, что в управление Пишпекской епархией он не вступал. В.Б. Заславский пишет: “Как долго епископ Мелхиседек служил в Пишпекке, документально не известно, но, наверное, не долго” [3, с. 123]. Однако из его показаний на допросе в ГПУ 3 февраля 1933 г. следует, что за штатом он находился в Ташкенте с 1929 по 1931 г. “в связи с отсутствием вакантных должностей” [2]. Логично предположить, что до этого, с осени 1926 по октябрь 1929 г. он находился в штате, то есть, в должности Пишпекского викария. Где он постоянно жил в это время – во Фрунзе, в Ташкенте, еще где-то – пока не выяснено, но в распоряжении автора появились некоторые документы, которые подтверждают версию о его хотя бы временном присутствии в Киргизии.

В 1928 г. он объехал свое викариатство (Чуйскую область), и власти, фиксируя это событие, с неудовольствием констатировали провал своей атеистической пропаганды: “В ряде селений проезжал архиерей, и всюду устраивались торжественные встречи” [7, л. 175]. О том, что епископ Мелхиседек действительно объезжал свое Семиреченское викариатство, свидетельствует фотография 1928 г., на которой изображен архиерей с певчими Семиречья [8]. Имя архиерея в архивном описании этой фотографии не указано, но его внешнее сходство с тюремной фотографией епископа Мелхиседека 1933 г. несомненно [2].

С приездом архиерея в Киргизию было связано уникальное для конца 1920-х гг. событие – съезд православного “староцерковного” духовенства. Как сказано в отчете инспектора, “в селении Алексеевка попами проведен торжественный съезд попов, где установлено усиленно развивать религиозную работу среди населения” [7, л. 177].

В отчетных документах партийных органов не указано, какие вопросы обсуждались на этом съезде духовенства Пишпекского викариатства. Скорее всего, это были те вопросы, которые больше всего волновали в это время владыку Мелхиседека. В 1928 г. обсуждался вопрос о созыве Всероссий-

ского православного собора. На допросе 1933 г. он рассказывал об этом времени следователю ГПУ: “Я высказал свое соображение о приглашении на Собор всех священнослужителей, находящихся в ссылках, в концлагерях и отбывающих наказание за а/с и к/р деятельность. Эту мысль меня заставили высказать те обстоятельства, что в то время большинство лучших, преданных делу православной церкви епископов и священников староцерковной ориентации советской властью были репрессированы. По моей инициативе церковным советом и верующими прихода в Ташкенте было написано прошение об освобождении епископа Войно-Ясенецкого. Я вел с верующими частные беседы, убеждал их в том, чтобы они не забывали Бога, ходили в церковь, молились Богу и не слушали атеистов-безбожников, ведущих борьбу с религией и православной церковью. С методами их борьбы я не согласен и рассматриваю эти методы как кощунство и гонение на Православную церковь” [2].

В следующий раз епископ Мелхиседек посетил Киргизию под конвоем, будучи епископом Курганским. В 1933 г. арестованный и осужденный в Троицке за антисоветскую деятельность как “организатор и руководитель контрреволюционной группировки церковников” [2] на 5 лет Сиблага, он был перевезен спецконвоем во Фрунзе, оттуда, после допроса, – в Ташкент. Здесь ему изменили меру наказания – вместо пяти дали 10 лет исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба епископа Мелхиседека неизвестна.

Итак, мы видим, что владыка Мелхиседек был одним из немногих архиереев Средней Азии и единственным архиереем в Семиречье, оставшимся во второй половине 1920-х гг. верным патриарху Тихону и канонической иерархии. Он был единственным, кто занимался в этот период делами православных приходов Иссык-Кульской и Чуйской долин. В смутное время церковных расколов, среди широко разворачивающейся атеистической агитации, разрушения храмов, арестов священников присутствие епископа Мелхиседека в Киргизии было очень полезным для укрепления веры православных жителей республики. В эти трудные для самоопределения духовенства и мирян годы расколов особенно важным для верующих были установление связи с Ташкентской епархией и Московским патриархатом, передача благословения, вдохновение примерами стойкости в вере репрессированных, но не изменивших православия священников и епископов Туркестана. Все это готовило верующих к грядущим еще более жестоким репрессиям 1930-х гг. во время которых после нескольких арестов и перемещений пропал в лагерях и сам епископ Мелхиседек.

Литература

1. Бишкекская епархия // Древо. Открытая православная энциклопедия. URL: <http://drevo-info.ru/articles/18119.html>
2. Мелхиседек (Аверченко Михаил Ефимович) / Институт системного анализа Российской академии наук // Электронная публикация баз данных СУБД НИКА / Лаб. 9-2. Организация банков данных.
3. Заславский В.Б. Пострадавшие за веру православную в Ташкентской епархии / В.Б. Заславский // Вестник ПСТГУ. II: История. История Русской Православной Церкви. 2006. Вып. 3 (20). С. 111–125.
4. Михайлова Е.А. Православное обновленчество в Средней Азии / Е.А. Михайлова // Вестник КРСУ. 2011. Том 11. № 6. С. 167–169.
5. Лисичкин В.А. Крестный путь святителя Луки / В.А. Лисичкин. М., 2009.
6. Марущак В. Святитель-хирург: Житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) / В. Марущак. М., 2010.
7. Центральный государственный архив политической документации Кыргызской Республики. Ф. 10. Оп.1. Д. 181.
8. Центральный государственный архив кинофото-документов Кыргызской Республики. 5-8/Я1.